

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ОХЛОПКОВ — самый яркий, вдохновенный и талантливый представитель первого послеоктябрьского поколения режиссеров советского театра.

Охлопков пришел в театр в 1917 году! Он не сразу стал там актером, не сразу стал режиссером. И все же пришел он в театр как художник, «революцией мобилизованный и призванный». Так говорил о себе Маяковский. Это его слова. А все, что говорил поэт, все, чем жила и дышала его поэзия, с юношеских лет вдохновляло Охлопкова, захватывало его романтически настроенную натуру, пробуждая в ней энергию активнейшей жизнедеятельности.

Потому-то, вспоминая свою юность, Охлопков непременно вспоминал и Маяковского.

«Спасибо ему за то, что, не зная меня, не подозревая совсем о моем существовании, он выпрямил мою юную душу и направил на борьбу за новое искусство...».

НА площади родился его театр. На площади родился он как режиссер. Было это 1 мая 1921 года. Тихвинская площадь в Иркутске.

А сколько же было в ту пору Охлопкову?

Двадцать один год, без двух недель двадцать один год!

Таким молодым, восторженным юнком вошел Охлопков в большой мир искусства.

Он был захвачен в те годы романтическим восторгом восприятия новой жизни, ее идей, идеалов. Он врывался в бурный поток революционной действительности и плыл в нем навстречу новым, зовущим вперед горизонтам...

Иркутская премьера «Мистерии - буфф» произвела ошеломляющее впечатление. Ничего подобного в городе никогда еще не видели. Охлопков и тут был верен девизу Молодого театра: моло-

дость, смелость, эксперимент. О своей знаменательной премьере режиссер вспоминал впоследствии: «Тут я, кажется, перемерил холды самого Мейерхольда...».

За «Мистерией - буфф» перед ним открывалась дорога в Москву.

В столице его режиссер-

ским плацдармом стала эскорт-сцена Реалистического театра. С мощной силой проявилось там самобытное режиссерское дарование Охлопкова.

Кто-то, напуганный дерзновенностью молодого таланта, спешил вынести ему безапелляционный приговор — поставить на Охлопкове крест... Но громче всех прозвучал тогда, после премьеры «Разбега» В. Ставского, восхищенный голос темпераментного Всеволода Вишневского: «Бейте в барабаны радости!».

Не сразу наступило для Охлопкова время праздничного боя в барабаны. До «Разбега» были четыре года, проведенные в Театре Мейерхольда. То были актерские годы. И там в немногих ролях с такой же покоряющей силой заявляло о себе и актерское дарование Николая Павловича.

В фильмах живут былинный герой могучего богатырского склада, молодецкой удали Василий Буслай —

«Александр Невский»; самозатверженный рабочий человек испытанной большевистской закалки Василий — «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году»; героический комиссар Воробьев с неисчерпаемыми богатствами духовной, нравственной силы — «Повесть о настоящем человеке»...

ПОЭЗИЯ ТВОРЧЕСТВА

К 85-летию со дня рождения Н. П. ОХЛОПКОВА

Прошли годы, оставившие позади бурные дни иркутской юности Охлопкова. Но он был все тем же Охлопковым, неспособным стоять в стороне от событий. Всегда и во всем он продолжал сохранять неугасаемый энтузиазм своей молодости. Он был и оставался молодым — нестареющим человеком, нестареющим художником. И когда пришло время его шестидесятилетия, Николай Павлович сказал на юбилейном чествовании:

«Я обещаю вам быть в искусстве юным, быть смелым, не уставая, продолжать свои искания...».

Такое же обещание, слово в слово, он мог бы повторять и через десять лет, если бы суждено было ему дожить до своего 70-летия...

Молодость духа — это отличительная черта, сокровенная суть охлопковского характера, всей его натуры. **М**ОЛОДЫМ пришел Охлопков в театр своего режиссерского счастья, и он скажет со временем: «Ничем не закрыты того счастья, которое мною испытано, когда мы плыли с Реалистическим театром в неизвестное...».

В неизвестное... Но в этом неизвестном, завтрашнем

ему уже виделись новые искания и новые театральные открытия — пушкинский «Евгений Онегин», «История города Глупова» Салтыкова-Щедрина, а за ними — «Дон Кихот» Сервантеса.

Молодым пришел Охлопков и в Московский театр драмы, ставший со временем

Охлопкова — «Гроза». Знакомительность ее сказывалась в стремлении с наибольшей глубиной и яркостью сценически выявить духовную и художественную мощь, таящуюся в глубинах драмы Островского.

Волнующим воспоминанием о днях иркутской юности

О жизни, прожитой Охлопковым в искусстве, справедливее всего сказать: это были вечные искания, это было вечное горение.

Театр был его жизнью. Да и сам он был живой и неделимой частью театра. Был человеком настолько театральным, что признавался однажды: «У меня кровь, видно, стала театральной». И позже снова повторил: «Да, у меня театральная кровь».

Для него ничего не существовало в жизни, кроме театра. Театр и был его жизнью — удивительно наполненной, страстной, целеустремленной и беспокойной жизнью, жизнью мечтателя, поэта, создателя, жизнью человека, художника, гражданина, патриота.

Театр был для него не местом работы, а главным местом жизни.

Когда бы и где бы ни встречались мы с ним, он всегда оставался во власти театра, всегда жил им. Даже в часы отдыха, в минуты кажущегося покоя.

Им постоянно, непрерываемо и властно владела удивительная сила творческого воображения, без которой не способно раскрываться во всем своем богатстве, во всех своих возможностях дарование художника.

...В зимнее утро мы сидим за городом, захваченные поэтическим очарованием красоты подмосковного пейзажа. Сидеть бы и молчать тут, впитывая в себя удивительную тишину покоя природы. Но и тут режиссер остается режиссером. Он уже ставит спектакль. Оглядывая прозрачные дали раскрывающегося перед нами пейзажа, Охлопков в воображении своем восстанавливает живые картины происходивших здесь когда-то исторических событий... Он готов уже подняться на сцену. Он готов уже начинать репетицию... \

Николай АБАЛКИН.